

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЭТИКИ

И. О. НАДТОЧИЙ

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
inad@yandex.ru*

В статье анализируется состояние современной философии и культуры, которые характеризуются хаосом и размытостью своих смысловых начал. Высказывается предположение, что в этой ситуации и этика, и философия, вернувшись к своему исконному предназначению, смогут способствовать улучшению ситуации. Но для этого необходимо построение философской этики, которая должна четко отграничить себя от научной этики и от религиозной. Приводятся воззрения современного философа-этика В.П. Фетисова по этому вопросу. Философская этика не дает конкретных рецептов, но побуждает человека к самостоятельному поиску истины.

Ключевые слова: этика, философия, культура, кризис культуры, философская этика, религиозная этика, научная этика, истина, поиск истины.

Современный философский процесс в России отмечен необычайной широтой тем, подходов, идей. Диапазон интеллектуальных интересов простирается как от классических философских тем до совершенно нетрадиционных, подчас вычурных (напр. «философия пива» и пр.). Постмодернистская неопределенность, весьма интенсивно проникнувшая в наше культурное пространство, наложенная на посткоммунистический идейный вакуум в обществе, породила беспрецедентный смысловой и духовный хаос. Таким образом, чрезвычайно безответственная свобода интеллектуального поиска часто оборачивается бессмысленностью. И сейчас мы наблюдаем серьезное столкновение свободы и смысла в нашем философском пространстве.

Эта ситуация достаточно точно охарактеризована современным философом-этиком В. Н. Назаровым, который описал ее в терминах смены этоса на эстетизм как новой детерминации в этике: «Одной из характерных особенностей эпохи постмодерна является эстетизм, связанный с переориентацией культуры на чувственно-эстетический, «зрелищный» способ восприятия мира. Эта переориентация в первую очередь отражается на нравственном состоянии. Все больше людей руководствуется в своих поступках не моральными убеждениями и духовными установками, а чувственными предпочтениями и пристрастиями. В такой ситуации обоснование морали на философских или религиозных началах становится весьма проблематичным. Место последних занимает массовое искусство, создающее «социально-эмпатический» тип отношений между людьми»¹.

Во многом это связано с тем, что в современной культуре философия утратила некоторые свои важнейшие исконные свойства и стала инструментом для обслуживания нефилософских интересов науки и религии. Не случайно М. Хайдеггер про философию сказал, что «падение мышления в науку и в веру – вот злая судьба бытия»². Утратив свой автономный статус, философия не смогла остановить поток откровенного нигилизма и бессмыслицы, втягивающего в свой поток уже и саму философию, которая утрачивает бытийный статус и приобретает иронично-игровой.

Такая ситуация в европейской философской культуре складывалась постепенно. В культуре рационалистического дискурса приоритет получает гносеологическая проблематика. Теория познания является взаимоконвертируемой сферой и для науки, и для

¹ Назаров В. Н. История русской этики. – М. : Гардарики, 2006. – С. 289. Хотя этот автор далеко не одинок в своих оценках сложившейся ситуации в философии. Можно назвать имена А. А. Королькова, В. П. Фетисова, В. В. Бибикина, А. А. Скворцова, А. Е. Зимбули, А. В. Кутырева, С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой и др., выражающих сходные воззрения.

² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 52.

философии. Отсюда и сильное стремление видеть в философии исключительно науку, что является характерной чертой философской культуры XX века. Причем это справедливо и для западноевропейской философии, и для советской, в которой существовал строжайший научно-идеологический надзор над философией.

Научная философия получила широкое признание, прежде всего, в традициях академической философии. Однако в силу масштабности своего распространения и влияния наука стала похожа на религию, поскольку стала претендовать на мировоззренческие и ценностные проблемы человека. В этом смысле научная философия теряет философский смысл, поскольку философия становится инструментом по обслуживанию интересов науки, и поэтому перестает быть философией, становясь идеологией.

Вызов научной философии, ее претензия на монополию в культуре вызывает серьезную протестную реакцию, и на авансцену выходит религиозная философия, которая привлекает к себе значительное число сторонников, не могущих найти ни духовного, ни интеллектуального удовлетворения, ни в науке, ни в научной философии.

Действительно, религиозная философия обладает в некоторых вопросах большей духовной гибкостью и глубиной и способна ответить на многие вопрошания человеческого духа. Не случайно, и в России, и на Западе число приверженцев религиозной философии среди крупных деятелей культуры чрезвычайно велико. Однако, и в этом случае философия теряет свою специфику, также (как и в случае с научной философией), становясь идеологическим инструментом по обслуживанию религиозных интересов. Снова философия теряет свою самобытность и автономность.

Эта ситуация проецируется и в сферу этики, которая по-преимуществу становится научной или религиозной. По сложившейся рационалистической традиции этика наряду с онтологией, гносеологией и другими отраслями философского знания рассматривается как часть философии, причем не самая важная и значимая. Потому она попадает в силовое поле науки и религии, становясь исключительно регулятивным механизмом для этих областей.

Безусловно, и научная и религиозная этика имеют исключительно важное значение, особенно для социальной жизни. Однако проблема в том, что при этом теряется сам философский статус этики. Этика, все более отдаляясь от философии, становится исключительно прикладной дисциплиной. Возможно, это важно для профессиональной регуляции различных областей деятельности, но это, безусловно, наносит ущерб философско-этической рефлексии, всегда имевшей фундаментальный характер, поскольку занималась фундаментальными вопросами человеческого бытия. Пропорциональное перераспределение внутри этики теоретической и практической части по-существу не решает ничего. Этика отрывается от философии, философия теряет исконную нравственную функцию, социальная жизнь становится бессмысленной и исключительно прагматичной.

Это вызывает к серьезному осмыслению сложившейся ситуации и необходимости нахождения твердых смысловых опор для продуктивной философской работы. Может ли сегодня сама философия выступить в качестве такой твердой опоры? Или же философия, как наиболее непринуждаемое творчество, не может выступать ни в качестве каких опор, основ и гарантий?

Этика в процессе этой работы может занять ключевую роль, поскольку именно нравственные проблемы человеческого существования традиционно рассматривались философией, которая, в свою очередь, достигала своих интеллектуальных и духовных высот, решая нравственные вопросы.

А может ли этика сегодня соответствовать своему исконному бытийному смыслу выступить в качестве основы подлинного бытия человека? То есть тому смыслу, который ей еще был задан Аристотелем, и о котором говорят ее современные авторитетные исследователи: «Этика есть нормативная наука, к тому же самая общая нормативная наука. Ее называют еще практической философией. Ее изучают не только для того, чтобы узнать, что такое добродетель, а для того, прежде всего, чтобы быть добродетельным. Цель этики – не знания – а поступки»³.

³ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 2002. – С. 5.

Можно еще сослаться на хорошо известную мысль А. Швейцера, считавшего этику основой культуры. Этическое, согласно мыслителю, является «конституирующим началом культуры», поскольку содержит в себе и подлинное рациональное начало, и идеалы. Только этика может создать прочный фундамент для создания нормальных взаимоотношений с действительностью⁴.

Таким классическим установкам сопротивляется прагматизм современной утилитарной культуры и образования, которые стремятся философию и этику сделать «профессиональными», то есть философию как изначальное удивление чуду бытия вообще устранить из горизонта рефлексии, а этику с ее «проклятыми вопросами» уложить в систему «прикладных» понятий и категорий. «Профессиональный» этос сегодня интенсивно проявляется и в социальной жизни, и в образовании. Это видно и по количеству монографий, диссертаций, учебных пособий, посвященных вопросам профессиональной и прикладной этики.

Сегодня вполне закономерен вопрос: что является профессиональным этосом философа-этика? Существующие учебники по этике наглядно отражают уровень философского самосознания, в котором, собственно философии как таковой остается весьма незначительное место. Традиционное деление учебного курса на историю и теорию этики, в которой, как правило, категории этики, прикладная этика и духовные проблемы современной цивилизации, является устоявшимися и воспроизводится с теми или иными нюансами в большинстве современных учебников. При этом вся история и теория этики оказывается написанной преимущественно с позиций «научной этики». Даже если и высказывается сомнение в том, что этика является наукой.

В этой связи представляется важным способствовать возрождению философской этики, которая в отличие от научной, религиозной и прикладной носит универсальный и фундаментальный характер, способствующей раскрытию в человеке нравственно-философской культуры, посредством которой достигается подлинная и достойная жизнь.

Для возрождения философской этики (в том числе и в образовательном процессе) необходимо, во-первых, показать истинное тождество этики и философии; во-вторых, раскрыть онтологическое отличие философии от науки и религии, опасность превращения философии в идеологический инструмент науки и религии.

Итак, наша цель дать онтологические и методологические обоснования современной философской этике для выявления ее специфики и отличия от научной и религиозной этик.

Безусловно, наука, религия и философия глубочайшим образом взаимосвязаны. Справедливо пишет П. П. Гайденко во введении к сборнику «Философско-религиозные истоки науки», что «...взаимозависимость религии, философии и научного познания много глубже, чем это пытается представить атеистическая пропаганда»⁵. Известный историк науки А. Койре высказывал мысли о том, что научная мысль никогда не была полностью отделена от философской, что «наличие некоей философской обстановки или среды является необходимым условием существования самой науки»⁶.

Однако, в наличном состоянии нашей философии, отличающейся беспрецедентной эклектикой, в котором настолько беспорядочно и бессистемно смешиваются наука, религия и философия, раскрытие автономного пространства философской этики в отличие от научной и религиозной составляет важнейшую задачу.

Предлагаемый новый методологический подход к определению статуса философской этики и заключается в различении между наукой, религией и философией, что ведет к выделению собственно философской этики в ее отличие от научной и религиозной. Эклектизм современной культуры часто не позволяет увидеть существенные отличия, имеющиеся в науке, религии и философии.

Парадокс в том, что данная проблематика в философской литературе имеет длительную историю и сформировавшиеся традиции. Через всю историю европейской фило-

⁴ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 65.

⁵ Философско-религиозные истоки науки. – М.: Мартис, 1997. – С. 5.

⁶ Койре А. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре // Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс 1985. – С. 15.

софской культуры проходит принципиальная полемика между наукой, религией и философией, ставшая знаком определенной интеллектуальной и духовной традиции, специфичной именно для этого ареала. Еще с античных времен возникает вопрос о связи философии с мифами и с точными науками. Досократики в своих натурфилософских исканиях настолько сильно сопрягли «естественный» и «сверхъестественный» планы, что до сих пор не утихают споры по поводу того, кем же их считать.

У Сократа причудливым образом переплетается дань традициям национальной религии и стремление к строго рациональному знанию. Платон одновременно укореняет свой философский логос и в мифологической стихии и в геометрии. У Аристотеля «физика» и «метафизика» столь плавно и органично переходят друг в друга, что в дальнейшем Философ попадал в различные станы в зависимости от идеологических предпочтений.

Особой остроты проблематика достигает с появлением христианства. Первоначально в апологетических целях философия интенсивно используется раннехристианскими авторами, затем на философию начинают смотреть с подозрением, не видя в ней собственного никакого смысла по сравнению с уже данным в Откровении. Если философия не служит апологетическим целям, то в ней видят лишь источник ересей и стремятся как можно скорее от нее избавиться. Наиболее философски настроенные авторы (Августин, Абеляр) в некотором роде спасают философию, однако последняя в период рассвета христианской культуры полностью теряет свой автономный статус, играя второстепенную роль «служанки».

Дискуссия о границах науки, философии и религии возобновляется с особой силой в Новое время, в частности у Гегеля. Кант много размышляет о науке, религии и философии, определяя специфику теоретического и практического мышления. Однако немецкая классическая философия, находясь в рамках рационалистической традиции склонна к отождествлению науки и философии, стремится философию рассматривать как науку.

Шопенгауэр, Ницше и Кьеркегор задают новый тип философского дискурса, в котором очевиден отход от рационалистического типа философии, зато намечен переход в иные пласты культуры (у Ницше в литературу, у Кьеркегора в теологию).

В XX веке М. Хайдеггер поставил радикальный вопрос о чистой природе философии, отделив ее от науки, религии, искусства, проповеди, истории философии, мировоззрения. Редукция философии к нефилософии стала заметной тенденцией, определившей интеллектуальный облик современности. Этим и определяется сам философский пафос Хайдеггера, равно как и его особый стиль.

В русской философии настолько сильно произошло сближение религии и философии, что последняя стала традиционно именоваться религиозной. Хотя с точки зрения ортодоксального богословия это еретическая мысль, не могущая служить эталоном религиозного благочестия. Характеристика отечественной философии как этикоцентричной и нравственной ближе к существу вопроса, так как, не смешивая религию и философию, оставляет за последней знак самобытности.

Современная философия неустанно обращается к этому традиционному вопросу, за которым просматривается коренная особенность философии к самоопределению и самообоснованию.

Вопрос о статусе этики в рамках философии имеет столь же длительную историю. В разные времена, и у разных авторов этот вопрос решался по-разному; несомненно одно – книгу под названием «Этика» можно встретить почти что у всех прославленных и именитых философов за всю историю самой философии. Это говорит о безусловно высоком статусе этики в структуре философского знания.

Однако, «Этика» Аристотеля, Спинозы, Спенсера, С. Л. Франка (ряд можно естественно множить) – это совершенно различные этики, на своеобразие которых накладывает значительный отпечаток мировоззрение автора, определяемое его принадлежностью либо к научной, либо к религиозной традиции.

Ситуация в XX веке складывается отнюдь не в пользу этики и философии: философия становится все более аналитической в то время как этика – прикладной. По этому поводу имеет место широкая дискуссия, однако, в контексте современной постмодернистской культуре фундаментальный статус этики и философии весьма заметно пошатнулся.

Вопросы методологического характера о статусе этики, о ее обосновании, о ее месте в структуре философии давно привлекает внимание, как отечественных, так и западных мыслителей и исследователей. В разное время к этим проблемам обращались Дж. Мур, Р. Хеар, Дж. Ролз и др. Аналитическое направление сделало акцент на проблемах анализа морального языка, усмотрев в этом главную проблематику этической теории.

Современные российские исследователи-этики обращаются к социальным проблемам в широком диапазоне. Среди авторов можно назвать работы А. А. Гусейнова, Р. Г. Апресяна, В. Н. Назарова, Е. Д. Мелешко, В. П. Фетисова, Н. Д. Зотова-Матвеева, О. С. Пугачева, Н. В. Голик, В. А. Канке, В. И. Бакштановского, Ю. В. Согомонова и др.

Особенно нужно отметить работы по нравственной философии В. П. Фетисова, в которых главный смысловой акцент делается на отличии философии от науки и религии, и, соответственно, на специфике философской этики по сравнению с научной и религиозной. В этом плане особое место занимает его программная работа «О философичности русского человека и сердечности русской философии»⁷.

Рассмотрим некоторые взгляды В. П. Фетисова, позволяющих, с нашей точки зрения увидеть существенные различия между философией, наукой, и религией, на этом основании выделить предметную область философской этики, которая, к тому же, укоренена в традициях отечественной нравственной философии.

В. П. Фетисов пишет: «Наука и религия верят в свои безграничные возможности на пути решения важнейших проблем человеческого бытия. Из двух миров они, в конечном счете, предпочитают один. Философия же сохраняет напряженность противоречия между естественным, научно познаваемым миром и сверхъестественным, запредельным для науки. Русская философия сегодня та философия, которая не может ни предать этот мир, отречься от него, ни утратить устремленность к Другому миру – абсолютному, вечному, недоступному ни опыту, ни разуму»⁸.

И далее следует сентенция принципиальной важности: «Русская философия – это не наука и не богословие. Это с одной стороны, оппозиция научному и религиозному сознанию в их претензиях на исключительность, а с другой, стремление сохранить в себе преданность этому миру и устремленность к высшему, запредельному. Поэтому русская философия хоть и интеллектуальна, но не до такой степени, чтобы превратиться в позитивную науку. Она метафизична, но не до признания за абсолютными сущностями самостоятельного существования. Все сверхъестественное в русской философии служит возвышению естественного, а все естественное оправдано своей устремленностью к сверхъестественному»⁹.

В. П. Фетисов дает свои метафоры того, чем может быть философия для науки и для религии. Так, сквозь «философские очки» ученый лучше видит перспективы не только своей, но и всех остальных наук. Делая физика немного метафизиком, она дает ему возможность достичь высот и в физике. Для религии же философия является «зеркалом», в которое она должна периодически смотреться, чтобы не впасть в суеверие и фанатизм.

Тем самым, не становясь ни наукой, ни религией, сохраняя свой «статус кво», философия и держит подлинное напряжение истины в мире, которое часто теряется в слишком метафизических построениях религии или в слишком эмпирических построениях науки. Достичь подлинной высоты можно лишь, не впад ни в одну крайность и ограниченность, и именно на это и способна только философия. И по сути дела, когда мы говорим о новых основаниях для философской этики, мы возвращаем ей ее же исконное значение быть хранителем истины, не служить никому кроме истины.

Таким образом, можно считать, что главный разграничительный критерий, отличающий философскую этику от научной и религиозной, заключается в том, что если последние обладают знанием конкретного блага (для науки это благо «этого» мира, для религии – «того»), то для философии само «благо» является проблемой, чья неопределен-

⁷ См.: Русская философия сегодня (идеи и направления) : материалы этико-философского семинара им. Андрея Платонова. – Воронеж : ИППЦ ВГУ, 2009. – С. 4-9.

⁸ Фетисов В. П. О философичности русского человека и сердечности русской философии // Русская философия сегодня (идеи и направления). – Воронеж : ИППЦ, 2009. – С. 6.

⁹ Фетисов В. П. Там же. – С. 7.

мость свидетельствует о духовной и антропологической открытости человека и его антропологической тайне. Тем самым сохраняется то необходимое философское напряжение, которое этику делает философичной, а философию этической.

Таким образом, ключевая проблема данного исследования заключается в осмыслении специфики философии в ее отличие от науки и религии. В этом смысле перспективным является анализ жанрового и смыслового своеобразия философского, научного и религиозного текста. Выявление специфики философского языка и философского мировидения во многом будет способствовать установлению ее автономного статуса.

Поскольку критическая функция философии является важнейшей, также перспективной является философская критика науки и философская критика религии. Это необходимая часть философской работы, позволяющая сохранить ее «статус кво» и избежать смешивания с нефилософией.

Итак, можно сказать, что в современной эклектичной ситуации, в которой имеет место беспрецедентное смешение науки, религии и философии, определение автономного статуса каждой области духовной культуры будет способствовать нормализации ситуации в недрах этих областей. Выявление характерных особенностей философской этики будет способствовать углублению понимания тождества этики и философии, имеющее принципиальное значение для обеих.

На основании проделанной работы можно сделать некоторые выводы:

- В основании научной этики лежат всеобщие принципы научного познания и методы научного исследования. В этом случае этика строится по типу науки, перенимая от нее критерии научного знания и методологию исследования. Поскольку наука ограничена исключительно эмпирической реальностью, в исследовании и преобразовании которой она усматривает свою высшую цель и предназначение, то, соответственно, этика, построенная по типу науки, также будет озабочена усовершенствованием эмпирической реальности («этого мира»). И если цель науки – знание, а цель этики – достижение блага, то соответственно цель научной этики будет сводиться к обоснованию способов достижения посюстороннего блага.

- В отличие от научной, религиозная этика занимается обоснованием потустороннего блага («того мира»). В недрах каждой религии содержится значительный этический пласт. Однако, нравственная проблематика в религии сводится к обоснованию регулятивных функций религиозной морали для достижения трансцендентного идеала. При всей сложности, многомерности, противоречивости феномена религии выделяются две его характеристики, которые позволяют наиболее отчетливо и ясно представить своеобразие религиозного мировоззрения в его отличие от научного и философского. Это, во-первых, трансцендентный характер религиозной онтологии и аксиологии, и, во-вторых, идея двоемирия, означающая для религиозного сознания абсолютную приоритетность иного (потустороннего, запредельного плана бытия) по сравнению с наличным, данным, который интерпретируется как неподлинный, подлежащий радикальному изменению через духовное преображение.

- Общим у научной и религиозной этик, при всем их отличии в плане посюстороннего и потустороннего блага, является наличие знания, с помощью которой каждая достигает своего «земного» или «небесного» блага. И наука, и религия знают и само благо, и способы его достижения. В обеих мораль теряет свой автономный статус, становясь инструментом для достижения конкретного известного блага.

- Отличие философской этики от научной и религиозной заключается, прежде всего, в том, что здесь искомое благо не явлено, а является предметом исканий и размышлений. Сам нравственно-философский поиск становится существенной духовной характеристикой человека, означающий специфику его человеческого существования. Философская этика говорит о бытии человека в мире, не апеллируя к религии и не призывая к строгой аскезе. Это такое размышление, которое в отличие от научной этики, раскрывает проблемность и открытость человеческого существования, показывает его неоднозначность, драматизм и трагизм. Философская этика стимулирует напряженную рефлексию над смыслом существования, в основе которого – остродраматическое восприятие зла и смерти, страдания и несправедливости.

• Философская этика обладает следующими характерными особенностями: парадоксальность, антиномичность, апофатичность, трагичность. Парадоксальность проявляется в том, что добро и зло, например, не являются ставшими, однозначными категориями, но представляют собой глубоко-противоречивые явления, имеющие характер изменчивый и неоднозначный. Это не означает традиционного релятивизма, но скорее свидетельствует о трагичности и антиномичности человеческого существования, всегда обреченного на моральный выбор в условиях категориальной неопределенности сущностного содержания добра и зла. Это говорит о том, что не столько разум и понятийное мышление относятся к этической сфере, сколько совесть и сердечное чувство. Апофатичность философской этики означает незнание конечного итогового блага и дела (в отличие от науки и религии). Отсюда критический настрой философии по отношению к любым конкретным известным идеалам науки и религии, которые со временем становятся утопией. Конечный идеал и известное благо при своем достижении ведут к разочарованию и остановке духовного роста личности. Апофатичность означает открытость и поиск, в ходе которого происходит нравственный рост и совершенствование человека, которому нет и не может быть положено никакого предела.

Таким образом, раскрытие парадоксальных свойств философской этики способствует нравственному росту личности, что делает ее весьма важной не только в процессе вузовского обучения теоретическим основам этического знания, но и в практике нравственного воспитания студентов.

Список литературы

1. Назаров В. Н. История русской этики. – М. : Гардарики, 2006.
2. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М. : Высш. шк., 1991.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М. : Гардарики, 2002.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М. : Прогресс, 1992.
5. Философско-религиозные истоки науки. – М. : Мартис, 1997.
6. Койре А. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре // Очерки истории философской мысли. – М. : Прогресс 1985.
7. Фетисов В. П. О философичности русского человека и сердечности русской философии // Русская философия сегодня (идеи и направления). – Воронеж : ИППЦ, 2009.

NEW METHODOLOGICAL FOUNDINGS TO CREATE PHILOSOPHICAL ETHICS

I. O. NADTOCHY

Voronezh Forestry Academy

e-mail: inad@yandex.ru

The paper analyses the condition of modern philosophy and culture which main characteristic feature is meaninglessness. The author supposes that ethics and philosophy if they turn back to their sources could improve the situation. To achieve that there is a necessity to construct the philosophical ethics which separates from scientific ethics and religious ethics. The author gives views of modern philosopher Vladimir Fetisov on it, the most important is that philosophical ethics don't give practical decision to the situation but stimulates personal search for truth.

Key words: ethics, philosophy, culture, culture crisis, philosophical ethics, scientific ethics, religious ethics, truth, search for truth.